

Сторія о Господѣ и о землѣ

(Къ воспоминаніямъ о Гоголѣ).

OCR Бычков М.Н.

<http://az.lib.ru>

"Историческій вѣстник", 1888. -- Т. 34. -- No 12

Осенью 1851 года, Гоголь въ разговорѣ со мной въ Москвѣ о собираніи народныхъ малорусскихъ пѣсень, преданій и былинъ, спросилъ меня, слышалъ ли я когда-нибудь любопытную украинскую легенду о томъ, какъ Господь создалъ землю?-- На мой отвѣтъ, что этого мнѣ не удавалось слышать, онъ сказалъ: "Интересно было бы найти и записать эту легенду. Въ моей памяти осталось, о ней кое-что, совершенно отрывочное и смутное; а надо думать, что у народа объ этомъ сохранилась цѣлая, своеобразная космическая поэма. И если теперь, когда забывается многое, слышанное отъ дѣдовъ, трудно найти эту легенду цѣликомъ, то хорошо было бы записать ее хотя бы по частямъ".-- На мой вопросъ, что же именно осталось у него въ памяти изъ этой легенды, -- Гоголь отвѣтилъ: "Не спрашивайте; такъ, какіе-то осколки, труха, безъ связи, начала и конца... Что-то тутъ, помню, продѣлывалъ сатана, былъ уличень, и только..."

Послѣ смерти Гоголя, я не разъ вспоминалъ о своемъ разговорѣ съ нимъ и, въ разѣздахъ по Новороссіи и Малороссіи, тщетно допытывался о занимавшей его легендѣ. Тѣ, кого я о ней спрашивалъ, отзывались невѣдѣніемъ. И вотъ, однажды, совершенно случайно, мнѣ удалось услышать простодушный народный рассказъ не только о томъ, какъ Господь сотворилъ землю, но и какъ онъ потомъ, въ видѣ нищаго, ходилъ по ней,-- спасать грѣшныхъ людей. Я тогда же записалъ и переслалъ слышанное М. А. Максимовичу, извѣстному собирателю украинскихъ преданій, вскорѣ потомъ, къ сожалѣнію, умершему. Что сдѣлалъ послѣдній съ моимъ рассказомъ и куда попали его бумаги,-- между которыми могъ сохраниться и записанный мною рассказъ,-- мнѣ неизвѣстно.

Перебирая недавно свои старые, письменные матеріалы, я среди нихъ нашелъ черновой набросокъ слышанной мною легенды. Привожу его здѣсь въ томъ видѣ, какъ я тогда его записалъ.

...Это случилось въ половинѣ апрѣля, во время половодья, у Екатеринослава. Мнѣ пришлось долго ожидать переправы черезъ Днѣпръ. Былъ канунъ Пасхи,-- вечеръ страстной субботы. Стояла бурная, студеная погода. Вздвигавшаяся рѣка несла бѣлогривыя, пѣнистыя волны. По небу стремительно бѣжали сѣрыя, разорванныя клочками, облака. Изрѣдка срывался дождь, косыми полосами застилая окрестность. Смеркалось.

Кучка перезябшаго народа, съ котомками и топорами, пробиравшагося на другой, едва видный въ туманѣ берегъ, сидѣла у лоцманскаго куреня. Иные, грѣясь у костра, толковали и спорили, будетъ ли еще къ ночи, съ той стороны, паровой баркасъ или на веслахъ паромъ; другіе молча и сумрачно глядѣли на рѣку, въ неоглядномъ разливѣ катившую опустѣлая, хмурая воды.

Высокій, сѣдой и загорѣлый, коротко-остриженный лоцманъ, съ длинными бѣлыми усами, въ высокихъ сапогахъ и въ накинутой на плечи короткой сѣрмягѣ, расхаживалъ по берегу, то подкладывая щепокъ и хвороста въ костеръ, то ворча на волны, хлеставшія въ бока его сторожевой лодки, привязанной, у песчаного берега, къ вербѣ.

-- А что, паноча, не погрѣлись бы въ куренѣ? -- сказалъ, подойдя ко мнѣ, съ иззябшимъ и намокшимъ лицомъ, лоцманъ:-- переправы сегодня уже не будетъ.

Я вошелъ въ куренъ, гдѣ сохранялась моя ручная поклажа, улегся на соломѣ и, отъ сильной усталости, скоро заснулъ...

Долго ли я спалъ, не помню. Меня разбудили какіе-то голоса. Я прислушался. Подъ куренемъ снаружи разговаривали двое. Кто-то спрашивалъ; ему отвѣчалъ другой. Въ послѣднемъ я узналъ густой и басистый голосъ лоцмана. Приподнявшись на локтѣ, я взглянулъ въ отверстіе куреня. Буря смолкла;